

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**ПЯТЬ СТРОК
ИЗ ПРОШЛОГО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Пять строк из прошлого : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-253808-7

Захватывающая сага о дружбе, любви и предательстве, разворачивающаяся на фоне бурных событий второй половины XX века в Советском Союзе и современной России. Четверо друзей детства оказываются втянуты в водоворот интриг, связанных с загадочной запиской из прошлого, которая хранит тайну научного открытия. Их судьбы, переплетенные общими мечтами и разочарованиями, превращаются в калейдоскоп взлетов и падений, где цена успеха — любовь, дружба, а порой и сама жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253808-7

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2027
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Пролог

Наши дни
Июнь 2025 года
Антон

Антон ехал к Кириллу на дачу, и сердце пело. Что может быть лучше: июньский выходной, солнце почти сутки напролет висит над горизонтом, цветет черемуха и сирень, и он встретится с дружбаном. Пусть то и дело набегают облака и срывается дождь. Сделать шашлык на открытом воздухе это не помешает. Главное: роскошь человеческого общения.

Мысли невольно соскальзывали в прошлое. Бог ты мой, как давно все это было! Прошла целая, длинная и почти незаметная жизнь. Пятьдесят чертовых лет!

Сколько им пришлось перенести! И почти погибнуть...

...Кирилл лежал в окровавленной рубашке на садовой скамейке у входа на Немецкое кладбище...

...Пит подошел к окну. Разгорался свежий, летний день. Внизу, под стенами особняка, где помещалась клиника, остановились два внедорожника, и оттуда стали выскакивать люди, почти неотличимые друг от друга: смуглые, бородатые, одетые в черное, они ходко пошли ко входу в особняк...

...Когда Кирилл с Гелей вышли с коробкой с деньгами из дома правительства, их со всех сторон

окружили мужчины в штатском — и среди них два милиционера...

...Эдик, исхудавший, с бледным и отдающим в рыжину от химиотерапии лицом безучастно смотрел, прислонившись к машинному оконцу, на изменившуюся за время его отсутствия Москву...

Годы вроде иной раз тянулись, как тяжкие гири, — а пролетели незаметно: ласточкой, легкой птицей.

Тогда, ровно пятьдесят лет назад, день рождения Кирилла тоже пришелся на воскресенье. Но в тот день было тепло и светило солнце. В те времена, казалось, все время было тепло и каждый день светило солнце.

Они отметили день рождения Кирки в кафе «Московском» на улице Горького. (Имелось два самых центровых кафе в столице: «Космос» и «Московское». В начале нынешней Тверской, напротив Центрального телеграфа, в пяти минутах от Кремля). Днем в летнее воскресенье народу оказалось немного, и мальчиков посадили на коронном месте: на втором этаже, как бы на полатах, за столиком с видом на улицу Горького. В большом и чистом стекле-витрине шумели липы, неслись троллейбусы и пролетали «жигули» с «москвичами».

Они взяли на четверых по мороженому и две бутылки сидра. Наверное, если б они попросили, им и спиртное подали — они ж в стройотрядных куртках были, типа студенты. Однако «пионеры» выпивать не стали: к вечеру предстояло возвращаться в отряд, а там сухой закон. Никому неприятности были не нужны, могли и вышибить. Поэтому — только «буратино».

Никакой кока-колы в СССР и близко не было, пепси выпускалось на единственном заводе в Новороссийске, и до Москвы оно добиралось редко: дефицит. Курортники с юга бутылочки вывозили как деликатес и подарок, в специальных ящиках, купленных на рынке.

Лимонад в «Московском» разливали в стаканы тонкого стекла. Парни чокнулись ими. Никаких тостов никто говорить не умел.

— Давай, Кирюха, с днем рождения!

— Успехов, как говорится, в труде и в личной жизни! — пожелал Эдик.

— Чтоб все торчком и деньги были! — важно покивал Пит.

Из какой немыслимой дали слышал сейчас Антон их голоса? Полвека кануло, улетело, растворилось — как и та страна, из которой они были родом и которая затонула, словно Атлантида, прямо у них на глазах. И почти вместе с ними.

Но они все же выплыли — на каких-то обломках от кораблекрушения, в бурной и нечистой воде. Сохранились, выжили — но не все и не здесь...

Антон свернул с трассы. До дачи Кирилла оставалось по навигатору двадцать километров.

И пятьдесят лет пути.

Часть первая СЕМИДЕСЯТЫЕ

Глава 1–1 ПИОНЕРЫ БЕЗ ГАЛСТУКОВ

1975

Именно в тот день в середине лета случилась та самая знаменательная находка. Они тогда нашли...

Впрочем, по порядку.

В отряде их все называли пионерами.

Сначала они возражали, да на полном серьезе: «Какие мы вам пионеры, мы комсомольцы, на будущий год поступать!» Но потом оправдываться надоело, тем более все вокруг всё равно про них всё знали, кто они, да и они смирились: пионеры так пионеры.

О том, почему в студенческом строительном отряде вдруг стали работать школьники, расскажем позже. И героев тогда представим. А пока вернемся в тот знаменательный день июля 1975 года. День, как любили говорить в советские времена, *определяющий*.

Да! Он, тот день, как значительно позже оказалось, во многом определил их судьбу — всех четверых. Анто́на — точно.

Это был будний солнечный (опять-таки) день. На линейке командир Володя с очень подходящей для общест­венника фамилией Ульянов во время развода на работу сказал:

— В совхоз «Семеновский» на бетон сегодня выдвинется бригада Окулич-Казарина. Ее усилят Берндт Дуб-берштайн и Саша Ким.

— А куда ж пионеры?.. — выкрикнул с места кто-то нетерпеливый.

Командир ожег недисциплинированного торопыгу взглядом — он умел так осаживать без слов, — наверное, поэтому на руководящие должности и выдвинулся, невзирая на молодые лета. Впрочем, тогда он юным никому, а особенно четверым школьникам, не казался, потому что он отслужил армию, а теперь оканчивал институт, и для пятнадцатилетних подростков разница между ними была как пропасть — лет восемь.

Ульянов отечески улыбнулся в сторону «пионеров».

— У самых юных бойцов нашего отряда будет на ближайшие дни особое задание. Они поступают в распоряжение Саши Бадалова, который доведет им необходимые вводные.

Саша Бадалов был бригадиром. Он тоже страшно взрослым казался «пионерам» — был однокурсником Ульянова, то есть, кажется, четвертый курс окончил. А до того: армия, потом подготовительное отделение: существовала такая система в советских вузах — абитуриенты после армии поступали на ПО («подготовительное»), и им в течение года институтские препы физику-математику-русский с лит-рой напоминали-подтягивали. Демобилизованные за год такой муштры школьный курс вспоминали и экзамены в институт сдавали.

Бадалов был старше «пионеров» на восемь лет, крупнейший срок для молодых. Вдобавок — житейский опыт, одна армия чего стоит. Бригадир относился к навязанным ему школьникам свысока и явно тяготился ими, слабосильными неумехами. И гонял их в стиле армейского сержанта или старшины. В его улыбке, в отличие от командира, ничего отеческого не было — да и не улыбался он вовсе, во всяком случае со своими подо-

печными-«пионерами». Роста он был невысокого, ниже Кирилла и Пита и вровень с Антоном. И только Эдик был его мельче — впрочем, немудрено, Эдик был всех на свете мельче.

«Смирно, вольно, разойдись!» — проговорил Ульянов любимую свою присказку, и отряд, сто с лишним человек, потянулся на работу. Кто к автобусам, которые ждали студиозов за воротами лагеря. Иные пешком отправились на основной объект: стройку гигантского СТО, то есть станции техобслуживания — в Советском Союзе все было централизованно, вот и частные автомобили граждан чинили в гигантских сервисах на десятки, если не на сотни машино-мест.

На площадке для построений остались только «пионеры» и Бадалов, и тот — низкорослый, крепкий, сильный, жилистый, вечно хмурый и недовольный — довел до обступивших его школьников, где им предстоит работать.

— Поедем трудиться в родной институт... Ну, то есть как «родной»... Вы, хе-хе, в него еще поступите... Будем там на кафедре работать. Поедем на общественном транспорте, проездные мне выдали. Поэтому одеваемся в цивильное, но берем с собой спецодежду, переоблачимся на месте... Там же и инструменты выдадут.

— А че делать-то будем? — с ленивой растяжкой переспросил Пит.

— Упремся — разберемся, — ожег его взглядом Бадалов. — Еще вопросы, пионер Петя?.. Десять минут вам — оправиться и надеть гражданку. Одежку-обувку рабочую не забывают, а то в цивильном будете в грязюке ковыряться. Отбываем через десять минут, в девять ноль-ноль. За опоздание — наряд вне очереди.

«Пионеры» Бадалова дружно не любили. Да и был он со своими казарменными ухватками будто бы не свой, не студенческий.

В военной палатке на двадцать человек мальчики переоделись. Когда-то, целую вечность назад, а на самом деле всего месяц, они в эту палатку, самую первую в лагере, въехали. «Пионеры», домашние мальчики из интеллигентных семей, мало что умели делать руками — кроме разве что Кирилла. Тот, в отличие от Антона или Эдика, летние каникулы не на дачах или курортах проводил, а с дедом-бабкой в деревне. Там и косить научился, и дрова рубить, и пилой орудовать, и гвоздь забить. Тоша, Пит и особенно Эдик с ним в рукастости соперничать не могли.

Антон мимолетно вспомнил, как они в самом начале июня прибыли вчетвером в стройотряд. Приехали на электричке, с рюкзаками и сумками. Гордились ужасно. Тоша, во всяком случае, точно гордился: что будут вместе со студентами. Что будут работать. Что заработают денег.

И вот они пришли со станции на пустырь близ МКАД. Чуть вдали шумела Кольцевая дорога: две полосы в одну сторону, две в другую. Рядом возвышалась бетоном, ощеривалась кранами могучая социалистическая стройка — та самая будущая станция техобслуживания.

На пустыре тогда возвышалась всего одна палатка армейского образца. Неподалеку трое студентов растягивали вторую такую же. А рядом на деревянной площадке еще четверо голых по пояс парней орудовали рубанками. Веселые стружки липли к их волосам и потным телам.

Мальчики подошли к ним и доложили почти по-военному: учащиеся физматшколы прибыли для работы в стройотряде.

Они правильно угадали: среди этих четверых трудились и командир, и комиссар отряда. Ульянов сказал: «Ага, пионеры, значит», — он тогда с ходу первый обозвал их «пионерами». Свободолюбивый Тоша запротестовал: «Мы не пионеры, мы члены ВЛКСМ!» — Тот только рукой отстраняюще махнул: «Идите в ту палатку, занимай-

те свободные койки. А потом хотите отдохните с дороги, а хотите, переоденьтесь да подсобите нам маленько».

Четверо школьников зашли в огромную палатку. Там стояло штук двадцать кроватей, половина из них застелена, занята. Остальные зияли голыми панцирными сетками. Друзья разместились, Тоша хотел рядом с Кириллом, так и получилось: койки их оказались рядом.

Пит неуверенно предложил: «Может, в шахматишки сгоняем?» — Мальчики привезли с собой мини-шахматы.

Эдик готов был согласиться, но Кирилл сурово сказал:

— С какого перепуга?

— Ну, этот мэн — видно, главный — сказал же нам, — хохотнул Пит, — отдохнуть с дороги.

Тоша хотел возразить, что со стороны командира это явная покупка была, или, как его отец говаривал, проверка на вшивость. Буркнул:

— Надо идти. — Он достал из рюкзака свои старые брюки с рубашкой, которые мама дала ему как рабочие, и стал переодеваться.

— А спецодежду нам что, не выдадут? — капризно выговорил Эдик.

— Эдуард, мы обязательно об этом спросим — но потом, — закрыл тему Кирилл.

То, что они немедленно выползли из палатки, готовые к труду, старшие товарищи явно зачили им в плюс. Все тот же командир произнес короткую, но вдохновенную речь:

— Смотрите, задача такая. Мы квартирьеры. Первого июля основная масса бойцов, расквитавшись с сессией, приедет в отряд, и наша цель привести лагерь в вид, пригодный для жизни. Сцену построим, столовую обустроим, умывалку, разровняем площадку для линеек, танцев и прочих мероприятий, палатки поставим и оснастим — и так далее, вплоть до мест общего пользования. Труд у нас ненормированный — что называется, от забора до отбоя. Зато и получаем все поровну, и живем коммуной.

Пока наша собственная столовая не заработала, питаемся в рабочей столовке. Деньги туда за каждого перечисляет отряд. Поэтому попрошу до момента, пока мы собственную едальню не запустим, не брать там ничего лишнего. На обед положено первое, второе, третье — и все, никаких добавок, ладно? А то нам столовка счет за эти добавки выставит, придется чей-то непомерный аппетит между всеми бойцами делить... Вопросы по общим оргмоментам есть?.. Вопросов нет. Тогда берем вот там, в каптерке, инструмент, и за работу, товарищи! Вот ты, как звать?.. Кирилл?.. Ты, пионер Кирилл, копаешь яму глубиной примерно в два штыка — здесь, под флажок... Ты, пионер Антон, — копаешь от сих до сих канаву глубиной в один штык... А вы, пионеры... — командир повернулся к Эдику и Питу, те представились: — ...вы, пионеры Петя и Эдик, видите палатку номер два? Ее как раз ребята устанавливают? Берете спинки от кроватей, панцирные сетки к ним, вон там они свалены, и растаскиваете равномерно по всей палатке. Затем на месте их собираете. Если не будут стыковаться — замечена за ними такая тенденция, — применяйте кувалдометр...

Антону все в стройотряде сразу положительно понравилось: и будущая жизнь коммуной, и деловой, но остроумный командир, и «кувалдометр». Только непонятно было, что значит «на глубину штыка»? При чем здесь вообще штык? Где он тут штык от винтовки или от автомата найдет, чтоб промерить глубину и ширину канавы? Странная какая-то единица измерения.

Он улучил момент, подошел к Кириллу, спросил. Тот окинул его укоризненно-насмешливым взглядом: «Вот эта железная штучка у лопаты, пионер Антон, та самая, которой ты копаешь, чтоб ты знал, называется «штык». Антон пробормотал «спасибо» и отошел.

Стал копать — вероятно, впервые в своей жизни, — и ему понравилось. Ломом, воображая себя молотобойцем в кузне, он разбивал слежавшуюся землю, лопатой

отбрасывал грунт. Работа его захватила. Краем глаза он видел, что Эдик с Питом разносили железные кровати в палатку. Потом они их собирали — потому что иногда слышался грохот обрушившейся лежанки. Вскоре парни вышли на воздух и уселись, отдуваясь и всячески демонстрируя праведную усталость, на два стула, невесть откуда взявшихся в расположении отряда. Спустя минут пять к ним подошел студент — плотненький, усатый, весь в кучеряшках, похожий на гусара Дениса Давыдова. Спросил участливо: «Что, устали?»

— Да не так чтобы очень, — вальяжно отвечал Пит. Сейчас, в рабочей одежде, стало заметно, что он, несмотря на молодость, толстенький — с отчетливым животиком. Толстенький, но красивый: ямочка на подбородке, ямочки на щеках.

— Почему тогда сидим? — по-прежнему ласково спросил кучерявый студент.

— Так работу ж закончили.

— Просите новую. Командир вам ясно сказал: у нас коммуна. Заработок поровну делим — значит, и работаем, не сачкуя.

Что говорить, диалог этот Антон подслушал не без удовольствия — его-то никому подгонять не пришлось. Он трудился, копая свою канаву, аж пот брызгал. Потом, вырыв яму под флагшток, к нему подключился Кирилл.

Квартирьеров оказалось в лагере человек десять, одни парни. Вечером самого первого дня все сидели вокруг костра, попивали чаек из эмалированных кружек. Кучерявый парень, похожий на гусара — его звали Владик Чернышов, — пощипывал струны гитары. Командир Ульянов сказал: «Давайте, в порядке самодисциплины, доложим друг другу, кто из нас что сделал в течение сегодняшнего дня».

Все по очереди послушно стали рассказывать. Когда дело дошло до «пионеров», Кирилл отрапортовал за всех: «Выкопали — я выкопал — основание для флагштока,

канаву под забор пионер Антон прокопал именно глубиной в один штык, не больше, не меньше, а пионеры Эдик и Пит кровати разносили и собирали. А потом мы деревянные настилы для оставшихся четырех палаток сложили. И еще...»

— Да вы, пионеры, оказались у нас самые трудолюбивые, — мягко улыбнулся Ульянов, и остальные парни грохнули.

В первую ночь в стройотряде Антон проснулся от холода. Столб, поддерживающий палатку, качался и поскрипывал, как мачта. Брезент надувался и хлопал. По нежному свету за парусиновыми оконцами было понятно, что сейчас раннее утро.

Никак было не согреться. Тоша встал с койки. Всем раздали по два верблюжьих одеяла, но все равно было холодно. Его товарищи лежали скорчившись — но, черти, спали.

Антон совершил самоотверженный поступок: накрыл одним своим одеялом Кирилла, другим — Эдика. «А Пит обойдется». Вышел из палатки. Начиналось розовое подмосковное утро. Вставало красное солнце. День обещал быть ясным. Парок шел изо рта.

Он обошел вокруг палатки. Брюки вымокли от росы. Было тоскливо, одиноко и холодно. Дико захотелось спать. Никто не оценил его самоотверженности.

Антон вернулся в палатку, подошел к кровати Кирики и, чтобы обратить на себя внимание, сжал тому холодный нос. Кир открыл глаза и ясным голосом сказал: «Пошел вон, дурак!» Антон обиделся, стащил с друга свое одеяло. Потом взял на пустующей кровати матрац и накрылся им. Неожиданно это помогло. Тоша скоро угрелся и уснул.

Утром его приспособление вызвало взрыв шуточек. «Смертельный номер! — провозгласил кучерявый Владик (он оказался комиссаром отряда). — Человек-бутерброд!»

— Да-да, — подхватил кто-то, — «бутерброд по-пионерски: матрац-Антон-матрац»!

Студенческие шуточки оказались не такими, как грубые подначки в школе, — совсем необходимыми.

Так они почти месяц прожили со студентами-квартирными: вдсятером, коммуной, наравне. Работали, а вечером вместе песни пели у костра, анекдоты рассказывали. И названия будущих улиц в растущем на глазах лагере придумывали. У костра как-то зашел спор, как именовать маленький переулок, упирающийся в туалеты.

— Гребливый тупичок, — предложил кто-то.

— Тупик Коммунизма, — возразил другой.

— Так! Я попрошу! — осек говорившего партийный Ульянов.

— Давайте имени Корытина, — Корытиным, вероятно, звался преп, весьма студентам досаждавший.

В конечном итоге назвали переулочек Проспектом Облегчения.

Работали дружно — правда, Пит то и дело стремился полодырничать. Его стали с Кириллом в пару ставить — тот приятелю спуску не давал.

Но и Антон однажды оскормился. В особенно жаркий день в обед ему страшно захотелось вторую порцию компота — он был ледяной, запотевший. Тоша понадеялся: а вдруг не заметят и не учтут, и блудливой походкой подошел к раздаче. «Можно еще компотика?» — попросил он жалобно. Неповоротливая повариха ласково закивала ему и протянула ледяной стакан. В ее ласковости Антону почудился оттенок торжества: ага, попался! Ни на кого не глядя, он спешно выпил компот. Пробормотал спасибо и пошел в палатку, полежать минут пятнадцать до начала работы.

Не успел дойти до койки, как показался суровый, как правда, Кирилл. Он был сама непреклонность. Из-за его спины выглядывала маленькая, красивая и очень строгая головка Эдика.

— Тебе разве не было сказано: добавки не просить? — сурово спросил Кир.

— Да что вы, ребята, — забормотал Тоша, — подумаешь, какой-то паршивый компот...

— Из заработка ВСЕХ вычтут, забыл?

— Да ладно, десять копеек.

— Дело не в копейках, а в принципе. Еще раз так сделаешь, мы тебе фейс начистим.

Эдик из-за спины Кирилла сделал выражение: хоть ты, Тоша, мне и друг, а придется.

Пока их было десятеро, идея коммуны выглядела ясной, очевидной и привлекательной. Но когда в начале июля прибыл остальной отряд, сто сорок человек, она размылась, потускнела. Когда столько народу, многих и в лицо не знаешь, не говоря о том, чтобы делиться всем на свете.

«Пионеров» отправили на объект, что для них был почти непосильным: на бетонные работы — на «бэтон», как в отряде говорили, почему-то с ударением на первый слог: в совхоз «Семеновский». В «Семеновском» работа была адова. Пятнадцатилетние «пионеры» справлялись с трудом. Бадалов злился и материл их четырехэтажными конструкциями.

«Зилок» привозил бетон к началу теплицы. Сваливал кучу. Бадалов вспрыгивал на борт — загорелый, жилистый, голый до пояса, и, балансируя, счищал лопатой из кузова остатки. Никакой механизации не было, никакого погрузчика. Студенты и школьники разносили бетонные плюхи вручную, носилками.

У Берндта Дубберштайна было самое лафовое (со стороны) задание: ровнять бетон длинной деревянной глдилкой, похожей на швабру. Казалось, легкотня — но, когда поставили для пробы Антона, у него не получилось, бетон шел волнами. И у Кирилла не вышло, хотя он (это видели все) самым мастеровитым из всех «пионеров» был. Поэтому оставили ровнять Берндта.

Масенького Эдика Бадалов поставил на самый легкий труд — значит, чувство жалости оказалось ему не чуждо.

А может, двигали соображения целесообразности: все равно с лопатой или носилками от него толку не много. Эдику поручили таскать воду, поливать сверху бетон, стремительно густеющий и схватывающийся под летним солнцем. Он, маленький, голый по пояс, несчастный, нес два ведра от ближайшего крана и поливал бетонную кучу.

А когда с бетоном поканчивали, делали подготовку под новые порции. Ровняли вдоль теплицы землю, выставляли опалубку. Отдыхать Бадалов особенно не давал, разве что после удачно раскиданной машины объявлял «перекур десять минут».

Непривычные к труду школьники намучились. У Антона руки болели как бы по всей своей длине, от ключиц и до пальчиков — ночью их сводило неведомой силой.

В прошлую пятницу под конец дня, когда они последний «зилор» растаскивали, приехал к ним в совхоз командир Ульянов — в автобусе, который отвозил в лагерь. Молча походил, посмотрел, как они, голые до пояса и потные, с бетоном упахиваются — а «пионерам» при командире достало сил показать особенный трудовой энтузиазм, наддать газку. Научную организацию труда (с ведрами Эдика) одобрил, похлопал по плечам Берндта, Кирилла...

Потом они возвращались все вместе в автобусе. Командир уселся на передних сиденьях рядом с Бадаловым, они всю дорогу тихо говорили, но о чем, как Тоша ни прислушивался, разобрать не смог... И вот в понедельник «пионеров» на другой объект перебрасывают. Не иначе, пожалел их Ульянов.

Было приятно с утра одеться не в рабочее, а в гражданское. Тем более совсем недавно, в субботу, всех возили в баню. Нацепили парадные стройотрядовские куртки: зеленые штормовки с шевронами. Шевроны подъехавшие девочки в порядке местного коммунизма им нашили: во-первых, над накладным карманом — красный длинный прямоугольник, по которому желтым

шли четыре буквы «ВССО»; затем на кармане — круглая нашлепка с мастерком и надписью «Москва-75» и аббревиатурами ССО МТУ (то есть студенческий строительный отряд Московского технологического университета). И, наконец, на правом рукаве третий шеврон. Плюс выдали по два значка, один: маленький стальной, его обычно носили на воротнике, а второй, красный с аббревиатурами ССО МТУ, цепляли на грудь. Знаки извещали миру, что они студенты и строители. У тех, кто старше — командира Ульянова, комиссара Чернышова, бригадира Бадалова, — значков и шевронов на парадных куртках было по четыре-пять, они звенели при ходьбе.

Тоша курткой страшно гордился. Теперь каждый встречный увидит: идет не какой-нибудь школьник, а настоящий студент. Беда только в том, что шеголять ветровкой пока было негде. Весь день они впахивали в рабочем, а когда вечером проходили в отряде мероприятия, все вокруг сидели в таких же куртяшках, не выделишься.

В тот понедельник Антон надевал курточку с шевронами и значками с особенным удовольствием — все-таки они в Москву поедут, и не огромной толпой, а впятером, их заметят.

«Пионеры» собрались на площадке для построений, под флагом, даже раньше, чем через десять минут, — связываться с Бадаловым не хотелось. Смотрели, не без торжества, как от ворот лагеря отъезжают наполненные бойцами автобусы — на рабочие объекты. Последней, в совхоз «Семеновский», отбыла сменившая их бригада Окулич-Казарина. Антон от души помахал сидевшему у окна Берндту — тот улыбнулся и слабо взмахнул ему в ответ.

Какая бы работа ни ждала в «родном институте», тяжелее, чем на бетоне, не будет. Так думал Антон — да и трое других школьников, судя по их просветленным рожицам, тоже... И по Москве он соскучился — хотя ка-

залось бы: вот она, в пределах видимости, за Кольцевой, бегущей рядом с лагерем. Но все равно мечталось: войти в прохладное метро, пробежаться по эскалатору, выпрыгнуть в вагон, где все будут смотреть, какой он бравый: студент-строитель.

Хотя в столицу возили не далее как позавчера, в субботу, — но, во-первых, всех скопом, сто с лишним человек, а во-вторых, на автобусах.

Сначала отправили в баню. Антоше, всю жизнь прожившему с собственной ванной, коллективная помывка не понравилась. Вдобавок, когда раздевались, Пит проговорил во всеуслышание, со смешком, адресуясь к Кириллу: «Эк ты накачался, в стройотряде-то! Прямо красавчик! Так и вижу Юлю, которая ползет к тебе на коленях, вежливо прося твоего внимания». Тоше слышать это оказалось неприятно, потому что, во-первых, говорила пошлость и гадость о Юле. А во-вторых: раз толстокожий Пит заметил, значит, и другие видят, что Юля равнодушна к Кириллу. И шансы Антона совсем к нулю стремятся.

После бани отряд повезли в кино. В кинотеатр «Минск» на Можайке, на всесоюзную премьеру к тридцатилетию Победы — «Они сражались за Родину». «Всесоюзная премьера» — означало, что в кино загоняют школьников, студентов, сотрудников всяческих НИИ и КБ... Фильм Антону понравился, хорошие артисты, только очень-очень жаль стало умершего на съемках Шукшина. И обидно, что кругом, ни в зале, ни в фойе, не оказалось почти ни одного гражданского гражданина — сплошные, как у него, стройотрядные куртки.

Бадалов цепко оглядел одетых в парадное «пионеров», спросил:

— Рабочую одежду-обувку не забыли?

— Не забыли, не забыли, — скептически проворчал Пит за всех.

Пошли пешком на станцию Немчиновка через сонный и веселый летний дачный поселок. Проехал на велосипеде почтальон с сумкой. За забором порхал воланчик — счастливые свободные люди перекидывались с утра пораньше в бадминтон. Бабка в платочке сидела на пенке, пасла на обочинах стадо коз.

Бадалов шагал впереди, наособицу, задавая темп. Всем своим видом он показывал, что он здесь главный и никакого панибратства не потерпит. Кирилл и Антон держались вместе. Процессию замыкали Пит с Эдиком.

В который раз Антон подумал, как ему повезло попасть в стройотряд. Тяготу работы тоже можно рассматривать как везение, не правда ли? Ведь они, как и положено молодым советским людям, испытания преодолевают, правильно? Значит, выковывают свой характер, закаляют собственную личность.

Вдобавок — денег получают. Антон неоднократно, и в более юном возрасте, порывался зарабатывать — однако все его потуги не достигали успеха. В прошлом году летом пошел на почту устраиваться, его даже взяли один раз с почтальоншей сумку поносить, но потом сказали: нельзя, слишком молодой, материально не ответственное лицо.

А тут такая лафа открылась. Антон и друга своего Кирилла немедленно сагитировал, и Эдик с Питом за ними потянулись.

В физматшколе при Московском технологическом они все проучились целый год. То была обычная история для советских вузов: при каждом факультете своя «школа» работала: на геофаке МГУ — юного географа, на журфаке — юного журналиста, и так далее. Однако больше всего в Союзе действовало школ физико-математических. Стране Советов требовались умные и образованные люди. А особенно — корифеи технических наук: чтобы строить космические ракеты и подводные лодки, ядерные бомбы и сверхзвуковые самолеты.

В физматшколе МТУ училось школьников общим числом человек сто пятьдесят или двести. Два курса — девяти- и десятиклассники. После школы, три раза в неделю, приезжали в вуз, и в институтских аудиториях для них вели «пары»: лекции, семинары. Преподавали студенты, аспиранты, молодые препы. Два раза в год сдавали экзамены. Все — бесплатно. На добровольной, некоммерческой основе.

Ясно, зачем ФМШ школьникам нужна была: они в институт готовились. И подавляющее большинство в итоге поступало. А молодые препы (тогда именно так сокращали на жаргоне «преподаватель», словцо «препод» появилось гораздо позже) на школьниках тренировались. Многие из них нацеливались на профессорскую карьеру и репетиторами замыслили стать: натаскивать в будущем абитуру за деньги.

Ректору физматшколы Томилину Борису Федоровичу, в просторечии «БэЭфу», человеку широкому и активному, пришла в голову идея: пусть школьники, для вящего погружения в студенческую жизнь, в стройотряды летом отправятся! Он нашел поддержку в институтском комитете комсомола — и вот, пожалуйста: Антон, Кирилл, Эдик и Пит добровольцами отправились копать грунт и месить бетон в ССО.

Тоше, пока они шли на станцию, мечталось, как он поступит в институт, в ставшую родной Техноложку, и как станет каждый год ездить в стройотряд (в компании с Кириллом), а к выпуску его штормовка вся покроется разноцветными шевронами, а на спине, помимо сегодняшней «Москва-75», прибавится что-нибудь вроде «Абакан-76», Норильск-77» и так далее.

В электричке оказалось по-утреннему много народу. Основной поток тружеников схлынул, теперь в столицу ехала «белая косточка»: сотрудники министерств, НИИ, КБ и кафедр. Большинство читали: кто книги, кто журналы «Юность» или «Новый мир». Газеты — меньше: по